

А что, если какой-то особо искушённый преступник как раз впал в мозговую смерть, и эти частицы с памятью, выстроенные в определённом порядке, как раз и проникли в мозговое пространство Сюй Юаня?

Такая «наука» звучит ещё бредовее.

Пэн Цзэфэн в каком-то смысле восхищался собственной шизофренией. Интересно, полностью ли он погружался в роль, играя, или, как сейчас, играл одно, а думал о другом?

Но сколько бы ролей он ни сыграл, он оставался собой. А чем больше пациентов проходило через его руки, тем холоднее становилось внутри.

Роль — ложь. Пациент — правда. Игра была частью его жизни, но пациента он должен был отделять от себя, иначе ему грозила гибель.

Почти каждый десятый пациент жил в своём мире, и половина из них не проявляла явных отклонений. Не войти в их мир — не начать лечение. Войти слишком глубоко — начать сомневаться и путаться самому.

Сочувствие никого не исцеляло.

В глазах Пэн Цзэфэна мелькнула тень. Что поделать, если ему доставались пациенты, каких обычный психотерапевт и в глаза не видел? Приходилось лечить нестандартно.

Сюй Юань не пропустил эту тень, но решил, что Пэн Цзэфэн сожалеет — вот, мол, не было у него в детстве таких удобных воспоминаний, и упустил он лучшие моменты для убийств.

— Не завидуй и не горюй. Теперь мои преимущества — общие, — Сюй Юань, в благодарность за предоставленную площадку, с некоторой неохотой решил подбодрить своего «помощника».

— Признателен, — усмехнулся Пэн Цзэфэн.

Эти слова вдруг показались ему заманчивыми. Если бы его научный руководитель выходил сейчас, он бы и впрямь взял мальчика «на практику». Ведь он оставался с Сюй Юанем под предлогом взаимопомощи, как скрытый агент. Надо же и дело делать? Этот отброс и правда не заслуживал жизни, но закон защищал его надёжно.

Во-первых, обвинение в изнасиловании не проходило — объектом сексуального насилия по закону могла быть только женщина. То, что он годами творил со своими учениками, можно было квалифицировать разве что как умышленное причинение вреда здоровью. А за это — до трёх лет лишения свободы, если только травмы не были тяжкими.

Во-вторых, и похищение человека не катило — его субъективной целью было «временно ограничить свободу», а не получить выкуп или иную выгоду. Так что только незаконное лишение свободы, срок по которому зависит от длительности.

Далее — из-за отсутствия доказательств и заявителей не было ни свидетелей, ни вещдоков. Все предыдущие злодеяния сошли бы ему с рук.

Наконец, так как вмешались вовремя, Юй Фэн не получил реальных физических повреждений. Значит, и умышленное причинение вреда здоровью доказать нельзя.

Ха! Может, ещё заявить, что раз жертва добровольно последовала за преступником на место

преступления, то и в незаконном лишении свободы не виновен? Пусть тогда вообще выпустят и сам разбирается? И зачем я тогда так старался, чтобы ему срок накрутили? Пять лет и семь месяцев... Осталось семь? Какая головная боль!

— Судя по твоему виду, есть кто-то, кого хочешь прикончить? — Сюй Юань заинтересовался.

— Ага. Мой научный руководитель. Звучит забористо? — Пэн Цзэфэн с особой язвительностью выделил слово «руководитель».

— Что, отброс?

— Ещё какой. Он положил глаз на моего друга.

— На подружку?

— Нет. На лучшего друга. Мужчину.

— Ну, если он ему нравится, значит, у твоего друга шарм есть.

— Моему другу не нужна такая «любовь», что начинается с подмешивания препаратов и переходит в садомазо.

— Нынешние руководители знают толк в развлечениях. Но ты можешь переиграть его. Я сегодня приготовлю для тебя средство, вызывающее зуд. Гарантирую — зачесется так, что жизнь покажется не мила. А ты в процессе сможешь его неспешно «поиграть».

— Неужели? Я думал, ты сначала усомнишься, мол, как это у меня вообще может быть настоящий друг.

— Это что, странно? Быть у кого-то «белым лунным светом» — это плохо? Кстати, может, содрать с него кожу и сделать пугало? Небыстро, зато отлично выпустишь пар. Смотри только, чтобы хватило хладнокровия. Проще всего — начать с разреза на затылке, вести вдоль хребта до копчика и потом стянуть кожу по этому шву.

Слушая анализ Сюй Юаня, Пэн Цзэфэн с удивлением обнаружил, что легко представляет себе эту картину. Влечение было инстинктивным, как у пчелы к пыльце.

Но смерть — это слишком просто. Даже предсмертные муки всё равно заканчиваются избавлением. Так что он не даст ему умереть. Он заставит его жить в страхе каждый день. Он заставит его понять, что пять лет в тюрьме были самыми счастливыми в его жизни.

Забавно: сидишь и продумываешь преступление, а должен лечить пациентов от таких же мыслей.

Несмотря на эти размышления, Пэн Цзэфэн не забывал о своей роли:

— Конечно, без проблем.

Глядя на уверенную улыбку Пэн Цзэфэна, Сюй Юань ощутил незнакомое прежде чувство, похожее на удовлетворение. По комнате прозвенел его чистый смех. Он подошёл к Пэн Цзэфэну и потрепал его по волосам. — Твои волосы мягче, чем ты сам.

Пэн Цзэфэн отстранил его пухлую руку. — Не дури.

— Если не будешь меня обманывать, я помогу тебе со всем, чего ты захочешь, — произнёс Сюй Юань, не замечая, что его выражение лица сейчас ничем не отличалось от лица любого другого ребёнка, обращающегося к другу.

— Ладно, — Пэн Цзэфэн не почувствовал ни капли радости от этого доверия. Эта работа всё больше напоминала мошенничество. Потому что... он постоянно обманывал чувства своих пациентов.

На следующий день хлынул ливень — даже сильнее, чем предсказывали. Самое время для преступления.

У ворот детского сада толпились родители: кто в дорогих машинах, кто под зонтами, промокшие до нитки. Рядом с детьми терпеливо стояли воспитатели... Народу было много, царила лёгкая суматоха.

Пэн Цзэфэн в чёрном плаще и простых резиновых сапогах стоял в стороне, но смотрелся как модель. Дождь, барабанивший по ткани, был неприятен, поэтому он раскрыл большой чёрный зонт.

Должен был выглядеть нелепо, а выглядел элегантно — плащ сидел на нём как шикарное пальто.

Сюй Юань никогда не носил зонт, и его вывела классная руководительница.

Пэн Цзэфэн поблагодарил девочку и тщательно помог Сюй Юаню надеть детский дождевик. В это время над землёй уже висел густой туман, а ветер, постоянно меняя направление, словно нарочно стремился промочить всех до костей.

Сюй Юань не позволил нести себя, но из-за разницы в росте, куда бы Пэн Цзэфэн ни наклонял зонт, дождь всё равно забивался под капюшон мальчика. В конце концов, Пэн Цзэфэн просто взял зонт за самый кончик ручки, подстраивая его высоту под Сюй Юаня.

«Наверное, это самый дурацкий способ держать зонт», — подумал он.

— Куда идём? — спросил Пэн Цзэфэн.

— Я знаю дорогу без камер. Иди за мной, — Сюй Юань потянул его за плащ, а Пэн Цзэфэн, чувствуя направление, определял дальнейший путь.

Это был тёмный, грязный переулок, заваленный чёрными пакетами с пищевыми отходами, от которых исходил тошнотворный запах. У стены, не находя укрытия, жались две промокшие насквозь и жалобно скулившие бродячие собаки.

Грохот грома и вспышки молний сопровождали усиливающийся ливень.

В глазах Сюй Юаня вспыхнул огонёк. Здесь он убьёт своего первого человека. Он велел Пэн Цзэфэну сложить зонт — в случае чего, тот мог послужить ударным оружием.

Но никто не проходил.

Потому что Пэн Цзэфэн расставил на всех подходах к переулку таблички «Ведётся строительство. Обход». Так что в обычных условиях сюда бы никто не свернул.

Конечно, оставался шанс, что кто-то проигнорирует знаки и всё же пойдёт короткой дорогой,

но теперь риски были куда более управляемы.

Прошло часа два. Сюй Юань начал уставать, но блеск в его глазах не гас. Хотя это и выглядело как спонтанная, необдуманная выходка, он хотел убивать. Очень хотел. Поэтому он не мог уйти.

Пэн Цзэфэн стоял, опустив глаза. Он ждал, когда ребёнок окончательно выдохнется. Это был бы идеальный момент для психотерапии — ударная доза, и дальше будет проще.

Но произошло неожиданное. Кто-то прошёл. Более того, это был человек, которого он знал. Его научный руководитель.

«Вышел досрочно за хорошее поведение?» — Пэн Цзэфэн мгновенно оценил такую возможность и шагнул вперёд, чтобы поздороваться.

<http://bllate.org/book/16276/1465330>